E 59/37

2007060286

Е 59/37

БРАКЪ АЛЕКСАНДРА КАЗИМИРОВИЧА СЪ ЕЛЕНОЙ ИВАНОВНОЙ.

Когда Московское государство начало наступленіе на Литву, то Ягеллоны рѣшились остановить это наступленіе посредствомъ брачной системы, и Александръ Казимировичъ предложилъ свою руку дочери Ивана III. Согласіе было дано, заключенъ былъ миръ, и потомъ Московское правительство потребовало отъ Александра обязательства, что дочери Ивана III, Еленѣ Ивановнѣ, принужденія въ вѣрѣ не будетъ. Литовское правительство дало на это обѣщаніе и тѣмъ положило основаніе права вмѣшательства Московскаго правительства во внутреннія дѣла Литвы въ качествѣ защитника православія. Дѣло было такъ:

Какъ только Иванъ Васильевичъ поцѣловалъ крестъ на договорѣ, то велѣлъ посламъ выступить въ другую горницу и выслалъ къ нимъ князя Патрикѣева съ боярами. Бояре говорили посламъ о томъ, чтобы великій князь Александръ далъ утвержденную грамоту о держаніи Еленою Ивановной греческаго закона, и при этомъ велѣли прочесть предъ послами образецъ такой грамоты; она была слѣдующаго содержанія: „Мы Александръ (титулъ) дали есмы этотъ листъ брату моему и тестю Іоанну Государю всея Руси (титулъ) на то, что за меня далъ свою дочерь Елену, и намъ его дочери не нудить къ римскому закону, держати ей свой греческій законъ“. Выслушавъ грамоту, послы сказали: „такую грамоту нашъ государь дастъ за своею печатью“. Списокъ съ этой грамоты они взяли себѣ. Въ воскресенье на масляное заговѣнье былъ посламъ офиціальный обѣдъ у великаго князя, — здѣсь ихъ дарили „сватоства дѣля“ отъ великаго князя, великой княгини и невѣсты. Послѣ пира пословъ угощали (поили) на ихъ

подворьѣ; а на другой день великій князь послалъ къ нимъ поминки противъ ихъ поминокъ, „да что̀ и свыше надавалъ“. 11-го февраля посламъ былъ данъ отпускъ, а 12-го они поѣхали въ Литву.

9-го марта отправилось изъ Москвы въ Литву посольство, съ громадною свитой; оно ѣхало какъ для присутствія при цѣлованіи креста Александромъ на договоръ о мирѣ, такъ и по случаю сватовства. Послы должны были говорить отъ Ивана Васильевича Александру *): „мы, съ Божіею волею, свою дочь даемъ за тебя и обручали ее съ тобою твоими послами. Мы здѣсь твоимъ посламъ велѣли говорить о греческомъ законѣ, и послы сказали, что держать нашей дочери греческой законъ и отъ тебя ей въ томъ неволи не будетъ; да послы взяли и списокъ какую тебѣ дать грамоту о греческомъ законѣ за своею печатью и ты бы далъ ее намъ“. Московскимъ посламъ было наказано говорить на-крѣпко, чтобы великій князь Александръ далъ такую грамоту слово въ слово по списку; а если великій князь крѣпко не захочетъ давать грамоты, то объ ней не стоять, а утвердить его рѣчьми, чтобы крѣпкое слово молвилъ, что неволи въ вѣрѣ Еленѣ Ивановнѣ не будетъ. А начнутъ боярамъ говорить о срокѣ, когда по княжну пріѣзжать, то назначать срокъ не ранѣе Петрова (29-го іюня) или Ильина (20-го іюля) дни, а если захотятъ позднѣе, то на ихъ волѣ.

По дорогѣ въ Литву вездѣ бояръ встрѣчали съ почетомъ и угощали; еще большій почетъ былъ имъ оказанъ въ Вильнѣ. Когда бояре проговорили рѣчи о сватовствѣ, то имъ безъ всякихъ разговоровъ подали грамоту о греческомъ законѣ. Но, прочитавъ грамоту, бояре отказались ее принять, потому случаю что въ ней была приставлена строчка противъ московскаго списка: „а коли похочетъ своею волею приступить къ нашему римскому закону, ино ей въ томъ воля“. О крѣпкомъ словѣ, которымъ можно было ограничить-

*) Рѣчи московскихъ пословъ этого посольства были напечатаны изъ литовской метрики въ Актахъ Зап. Рос. т. 1, № 116, I.

ся, они уже не упоминали. На отпускѣ этихъ пословъ великій князь Александръ, отступивъ немного отъ своего мѣста, давалъ руку боярамъ и говорилъ: „мы брату и тестю нашему дякуемъ за то, что онъ хочетъ съ нами жить въ кровномъ связаньѣ и вѣчной пріязни“. Послѣ же его словъ бывшій посломъ о мирѣ и сватовствѣ панъ Петръ Яновичъ, воевода троцкій, говорилъ: „нашъ государь по желанію вашего давалъ вамъ листъ о греческомъ законѣ и вы его не хотѣли взять, и поэтому нашъ государь пошлетъ до вашего своихъ пословъ объ этомъ дѣлѣ и о другихъ“ *). Съ этимъ отказомъ бояре (30-го апрѣля) поѣхали въ Москву. Ихъ провожали попрежнему; но послѣ этого посольства пересылка о сватовствѣ на время прекратилась, и обѣщанное посольство не являлось слишкомъ три мѣсяца. Изъ Москвы не заговаривали объ этомъ дѣлѣ и пересылки между правительствами шли о дѣлахъ служебныхъ князей **). Наконецъ 13-го августа пріѣхалъ изъ Литвы посолъ Лютаворъ Хребтовичъ. Въ рѣчахъ къ великому князю онъ благодарилъ попрежнему отъ имени своего государя за то, что Иванъ Васильевичъ даетъ за него свою дочь и потомъ прибавлялъ, что великій князь Александръ давалъ боярамъ грамоту по тому, какъ той грамотѣ слѣдовало быть; но они ее не взяли. Лютаворъ представилъ и списокъ грамоты ***). Объ томъ же говорилъ Лютаворъ и боярамъ, которые въ послѣдній разъ были послами въ Литвѣ. Когда дѣло дошло до переговоровъ съ боярами, то послѣдніе прямо объявили: „паны послы, Петръ и Станиславъ, обѣщались, что великій князь Александръ дастъ требуемую гра-

*) Слова Александра и рѣчь воеводы троцкаго напечатана изъ литовской метрики въ Ак. Зап. Р. т. 1, № 116. II.

**) Было два посольства: изъ Литвы о князѣ Мезецкомъ и изъ Москвы о княгинѣ Бѣльской. Посольство о князѣ Мезецкомъ напечатано изъ литовской метрики въ Ак. З. Р. т. 1 № 122. Посольство дѣйствительно было въ октябрѣ, котораго же числа—изъ дѣлъ польскихъ я не замѣтилъ. Впрочемъ эти посольства по своему значенію не важны.

***) Рѣчи Лютавора къ великому князю напечатаны изъ литовской метрики въ Ак. З. Р. т. 1 № 116, III, первые три пункта.

моту слово въ слово противъ списка, такъ отъ чего же онъ теперь ее не даетъ“? Лютаворъ отвѣчалъ: „что̀ мнѣ наказалъ мой государь, то я и говорилъ великому князю, а больше мнѣ ничего не наказано“. На этотъ отвѣтъ бояре сказали: „великій князь согласился дать свою дочь за вашего государя, если онъ дастъ грамоту о греческомъ законѣ, какую видѣли сами паны-послы; но когда великій князь Александръ такой грамоты не даетъ, то и нашему государю нельзя за него дать своей дочери; и то дѣло не мы рушимъ, а рушитъ его великій князь Александръ“.

Послѣ этихъ переговоровъ Лютаворъ былъ приглашенъ на обѣдъ къ великому князю Василію Ивановичу, и послѣ обѣда сказалъ своему приставу, что ему нужно видѣться съ бояриномъ Дмитріемъ Володиміровичемъ и дьяками; поэтому онъ былъ приглашенъ прибыть для разговоровъ на слѣдующій день. Теперь Лютаворъ говорилъ: „Пане Дмитріе! вчера ты намъ говорилъ отъ своего государя: такъ что же вашъ государь? не хочетъ брать таковой грамоты, какую мы давали и того дѣля не хочетъ дать своей дочери за нашего государя? А нашъ государь прислалъ съ нами и другія рѣчи; да ему казалось, что прежней грамоты бояре не взяли ради спора; а то что строка о римскомъ законѣ вставлена въ той грамотѣ, такъ онъ чаялъ, что вашъ государь ту строку полюбитъ. Вы же не думайте, что я говорилъ, что нашъ государь не дастъ такой грамоты, какой вы требуете; такого дѣла я не могу на себя взять, потому что мнѣ того не наказано. По моему же разуму кажется, что если вашъ государь накажетъ о той грамотѣ со мною, то нашъ государь пришлетъ ее и строчку о римскомъ законѣ велитъ выкинуть, потому что неужели изъ-за строчки между государями свойству не быть, да и нашъ государь во всемъ полагается на вашего“. По слѣ такой рѣчи Лютавору данъ былъ образцовый списокъ грамоты о греческомъ законѣ и бояре сказали: „прежде бояре съ панами говорили о срокѣ, когда пріѣзжать за княжной, да тогда дѣло о грамотѣ не свелось, такъ и о срокѣ конца не уложили; а теперь бы князь великій Але-

ксандръ прислалъ ту грамоту не мѣшкая, и съ кѣмъ ту грамоту пришлетъ, то съ тѣмъ бы и о срокѣ наказалъ, чтобы намъ было вѣдомо".

Итакъ дѣло стало какъ желали въ Москвѣ. Лютаворъ поѣхалъ въ Литву 30-го августа. Но тамъ опять надъ этимъ дѣломъ продумали до ноября мѣсяца. Въ эти промежутки между посольствами о сватовствѣ, какъ надо полагать, происходили пересылки между Вильной и Римомъ о бракѣ католическаго государя съ дочерью раскольника и изъ Рима дано было дозволеніе рѣшиться на такое дѣло по нуждѣ. Въ ноябрѣ (16) пріѣхалъ изъ Литвы въ Москву писарь Адамъ; онъ привезъ требуемую грамоту о греческомъ законѣ и объявилъ, что паны за княжною пріѣдутъ на Рождество Христово *). Самъ Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на это посольство: „что если паны за которыми дѣлами не успѣютъ въ Москвѣ быть на тотъ срокъ, то по крайней мѣрѣ были бы на Рождествѣ, такъ чтобы нашей дочери быть у великаго князя Александра за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго".

На Крещенье 1495 года пріѣхало въ Москву посольство за княжной Еленой Ивановной; въ числѣ пословъ былъ много хлопотавшій о сватовствѣ панъ Янъ Забережскій; но съ послами не было ихъ женъ. Послѣ рѣчей пословъ о цѣли ихъ пріѣзда и правленіи поклоновъ семейству великаго князя, они явили отъ себя поминки великому князю, его дѣтямъ и внуку; когда послы правили отъ Александра поклонъ и представили поминки отъ себя княжнѣ Еленѣ Ивановнѣ, то княжна чрезъ боярина дяковала панамъ. Въ этотъ день пріема пословъ для нихъ былъ данъ торжественный обѣдъ. Литовское описаніе этого посольства **) разсказываетъ, что во время пира „самъ царь и

*) Рѣчи пана Адама см. Ак. З. Р. т. 1 № 116 IV, и грамота о греческомъ законѣ V. Datum этой грамоты 26 октября, индикта 13. Ковно.

**) Напечатано Ак. Юж. и З. Р. т. II № 79. Эта записка позднѣйшей переписки, и изъ сличенія ея съ московскими офиціальными бумагами

великій князь московскій, вспомнивъ подарки, пилъ романею за здоровье великаго князя Александра и выпивши молвилъ: „чѣмъ бы тѣ подарки можно отдарить“? Послы встали и низко ударили челомъ, какъ царю, и сказали: „тѣ подарки потребуютъ великой пріязни вашей царской милости къ нашему великому князю королевичу польскому Александру“. Иванъ Васильевичъ на это отвѣчалъ: „а какой? не откажу“. Послы въ другой разъ поклонились и сказали: „нашъ великій князь не имѣетъ отца, такъ проситъ, чтобъ твоя царская милость принялъ бы его и былъ ему вторымъ отцемъ, давши за него дочь свою Елену“. „До утра“ сказалъ Иванъ Васильевичъ, „а теперь прошу будьте веселы въ палатахъ нашихъ“, и, сказавъ это, вышелъ вонъ, приказавъ боярамъ угощать пановъ. Послѣ угощенья на дворѣ, бояре отправились угощать пановъ на ихъ подворья.

Это было 10-го января, а 11-го, въ воскресенье, послы встали рано и поѣхали къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ; здѣсь былъ Иванъ Васильевичъ, обѣдню служилъ самъ митрополитъ. По окончаніи службы послы, приглашенные черезъ бояръ, пошли за Иваномъ Васильевичемъ. Когда они вошли въ покои, великій князь спросилъ ихъ о здоровьѣ. Послы благодарили за вчерашнее угощенье, и сказали: „государь нашъ челомъ бьетъ (?) о дочери вашей Еленѣ и будетъ вамъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ на всякаго непріятеля“. Иванъ Васильевичъ заплакалъ и сказалъ: „если такъ Богу угодно, то да будетъ его воля“. За это послы опять били челомъ „до земли“. Московскій официальный разсказъ объ этомъ времени, не упоминая о слезахъ Ивана Васильевича, говоритъ, что послы были у великаго князя и онъ имъ говорилъ: „панове, молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобы онъ на чемъ намъ слово молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ и на-

---

оказывается то, что она въ нѣкоторыхъ фактахъ расходится съ ними; это могло произойдти отъ того, что въ литовской запискѣ главное вниманіе обращено на пиры и чувствительныя сцены, въ московскихъ бумагахъ только на политическую сторону дѣла.

шу дочь ни которыми дѣлами къ римскому закону не нудилъ, а если и похочетъ наша дочь сама къ римскому закону приступить, мы ей на то воли не даемъ, да и онъ ей тоже на то воли не давалъ бы, чтобы изъ за этого между нами любовь и дружба не рушилась. Да также молвите ему: какъ дастъ Богъ наша дочь будетъ за нимъ, то онъ ее нашу дочь, а свою великую княгиню, жаловалъ бы и держалъ такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша къ своей дочери его жалованье, были о томъ веселы. Да молвите отъ насъ брату и зятю нашему, чтобъ онъ учинилъ насъ для, велѣлъ нашей дочери, а своей великой княгинѣ, поставить церковь нашего греческаго закона на переходахъ у своего дворца у ея хоромъ, чтобъ ей близко къ церкви ходить, а его бы жалованье нашей дочери намъ добро слышати. Да молвите отъ насъ бискупу да панамъ вашей братьѣ, всей радѣ, да и сами того поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ и между насъ братство, любовь и прочная дружба непорушилась доколѣ дастъ Богъ". И въ этотъ день послы обѣдали у великаго князя *).

12-го января послы были приглашены на дворъ великаго князя и были спрошены, кому вѣнчать молодыхъ. Послы сказали, что вѣнчать великаго князя бискупу, а княжну митрополиту, а если его не будетъ, то владыкѣ. Объ этомъ рѣшеніи въ этотъ же день послы отправили въ Литву грамоту. Послѣ переговоровъ о вѣнчаньѣ шли еще переговоры о князьяхъ. Такъ описываютъ этотъ день Московскія офиціальныя бумаги; но вмѣсто разсказа объ этихъ событіяхъ литовская записка говоритъ, что когда послы пріѣхали въ этотъ день, въ экипажѣ присланномъ за ними, на дворъ великаго князя, то онъ, взявши двухъ старшихъ пословъ за руки, повелъ ихъ чрезъ свои комна-

*) Въ литовской запискѣ сказано, что послѣ аудіенціи у царя митрополитъ просилъ пословъ къ себѣ на кушанье; а въ московской офиціальной запискѣ сказано, что послы ѣли у великаго князя, а не пили: поить посылали на подворье.

ты, обитые золотомъ, къ великой княгинѣ; съ ними шелъ и митрополитъ. Когда вошли къ великой княгинѣ, то послы поклонились ей до земли и просили у нея ея дочери замужъ за ихъ государя. Великая княгиня отвѣчала: „то Божья воля и дѣло моего государя“ (царя). Въ это время вошла княжна Елена Ивановна къ своему отцу и уклонившись стала. Послы, взглянувши на нее, уразумѣли, что это ангелъ въ человѣческомъ тѣлѣ, и, засмотрѣвшись на красоту, нѣкоторое время стояли какъ вкопаные; потомъ пали ей до ногъ и просили, чтобъ она ихъ государя держала въ ласкѣ; она же заплакала. Послѣ этого Иванъ Васильевичъ спросилъ пословъ, имѣютъ ли они съ собою портретъ великаго князя Александра. Поэтому послали на подворье и портретъ былъ принесенъ. Александръ былъ написанъ весьма красивый, лицо бѣлое, щеки румяные, глаза черные, усъ только-что пробивался. Посмотрѣвъ на портретъ, Иванъ Васильевичъ сказалъ: „настоящій королевичъ польской! Ну, Елена, пусть малеванный остается у меня въ покояхъ, а тебѣ живой великій князь Александръ будетъ навсегда пріятель“. Послѣ этихъ словъ Иванъ Васильевичъ благословилъ дочь, а послы ударивши челомъ цѣловали руку цареву, царицыну и царевны и имъ сказано, что ѣхать въ путь завтра рано.

13-го января, послѣ обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, на которой присутствовали самъ великій князь съ великою княжною, снохою, дѣтьми и боярами, было прощанье. Великій князь, стоя у правыхъ дверей, подозвалъ къ себѣ пановъ и говорилъ имъ ту же рѣчь къ Александру, что̀ и прежде. Послѣ этого они вышли на помостъ, у котораго стояла тапкана (экипажъ), долженствовавшая везти Елену Ивановну въ Литву; здѣсь, простившись съ дочерью, великій князь давалъ руку панамъ и приказалъ передать Александру отъ себя и великой княгини поклонъ, а отъ дѣтей челобитье. Въ третьемъ часу дня Елена Ивановна, сопровождаемая громадною свитой и обозомъ съ вещами, выѣхала изъ Москвы *). До Доргомилова провожалъ ее ве-

*) Въ литовской запискѣ сказано, что послы съѣвши обѣдъ у ве-

ликій князь Василій; здѣсь онъ угощалъ пословъ обѣдомъ; княжна же обѣдала у себя; на другой день послы поѣхали впередъ, княжна же дневала на Доргомиловѣ; къ ней пріѣхали отецъ, мать и великая княгиня Елена. Отецъ, пробывъ нѣкоторое время, воротился въ Москву; великія же княгини остались ночевать у невѣсты; на третій день отецъ опять пріѣхалъ къ Еленѣ Ивановнѣ; теперь было настоящее прощанье, и послѣ обѣдни свадебный поѣздъ двинулся въ путь.

Отпуская въ Литву свою дочь, Иванъ Васильевичъ далъ ей списокъ съ своихъ рѣчей, что говорилъ посламъ о греческомъ законѣ и, кромѣ того, память: „въ латинскую божницу не ходить, а ходить ей къ своей церкви; а захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь, то посмотрѣть разъ или два, а больше не ходить. Будетъ въ Вильну мать Александра, и когда пойдетъ къ своей божницѣ и прикажетъ Еленѣ идти съ собою, то проводить свекровь до божницы и потомъ вѣжливо отпрашиваться въ свою церковь, а въ божницу не ходить“ *). Да кромѣ того иныя многія рѣчи говорилъ Иванъ Васильевичъ своей дочери, чтобы она крѣпко держала греческій законъ, а къ римскому не приступала.

Во главѣ посольства къ Александру находились князь Семенъ Ряполовскій и Михайло Русалка; съ ними ѣхали ихъ жены. Послamъ было наказано, какъ княжна будетъ ѣхать въ Вильну, то по дорогѣ въ городахъ заходить въ соборные церкви и монастыри; гдѣ встрѣтятъ княжну большіе паны, то женамъ Семеновой и Михайловой вы-

---

ликаго князя, взявши листы и поминки, выѣхали изъ Москвы. Въ Московскихъ бумагахъ объ обѣдѣ ничего не сказано. Въ литовской далѣе говорится, что свита для проводовъ состояла изъ войска въ 2.000 человѣкъ, а возовъ скарбныхъ съ гербами выправлено до Литвы нѣсколько тысячъ.

*) Этотъ наказъ Еленѣ Ивановнѣ напечатанъ у Щербатова, т. 4, ч. 3, стр. 235; далѣе напечатанъ списокъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которые поѣхали съ великой княжной.

тупить изъ ташканы, встрѣтить паней; а садиться паньямъ въ ташкану, одной или двумъ большимъ, рядомъ съ княгиней Ряполовской; если встрѣтитъ княгиня Олельковичъ, то передъ ней княжнѣ приподняться и посадить противъ себя. Да при случаѣ молвить какъ пригоже, чтобы паньи не завсегда сидѣли въ ташканѣ, а ночевать имъ у княжны не дозволять. Вообще на обѣдѣ у княжны и посламъ не быть, а если учнетъ бить челомъ какой-нибудь панъ, что хочетъ дать княжнѣ обѣдъ, то княжнѣ обѣдать, но чтобы на обѣдѣ пана не было, а была бы только его жена. Великому князю Тверскому, князьямъ Шемячичу, Можайскому, Ярославичу и Верейскому, если они, или ихъ жены, захотятъ бить челомъ княжнѣ, то имъ у нея не быть; да когда княжна пріѣдетъ въ Вильну, то сказать великому князю Александру, чтобъ эти князья и ихъ жены къ его супругѣ не ходили. Кромѣ этого данъ былъ подробный наказъ обо всѣхъ обстоятельствахъ свадьбы и главное то, что Елена Ивановна на вопросъ бискупа при вѣнчаньѣ о томъ, любъ ли ей великій князь Александръ, должна отвѣчать: „любъ мнѣ и неоставить мнѣ его до живота ни которыя ради болѣзни, опричь греческаго закона: держать мнѣ греческой законъ, а ему меня къ римскому закону не нудить“. А князь Семенъ Ряполовскій долженъ былъ сказать при этомъ бискупу, чтобы и великій князь Александръ у того же вопроса молвилъ, что ему къ римскому закону своей жены не нудить. Остальные пункты наказа были въ томъ же тонѣ.

По наказу, по пріѣздѣ въ Вильну, бояре прислали въ Москву подробное описаніе *) случившагося во время пути и при вѣнчаніи. На дорогѣ къ Вильнѣ встрѣтили княжну князья Вяземскіе и принесли помники. За 5-ть верстъ до Смоленска встрѣтили поѣздъ паны послы, уѣхавшіе впередъ изъ Доргомилова, намѣстникъ смоленскій и всѣ смо-

*) Оно напечатано съ копіи въ Древ. Рос. Вивл. ч. XIV. стр. 4—22; здѣсь же помѣщенъ наказъ Еленѣ Ивановнѣ и списокъ лицъ, составлявшихъ посольство и свиту.

ленскіе жители; намѣстникъ съ панами, сошедши съ коней, подошли къ князю Ряполовскому; онъ вышелъ изъ саней и пошелъ съ ними къ тапканѣ и представилъ княжнѣ.

Когда поѣздъ въѣхалъ въ Смоленскіе посады, то Московскіе дѣти боярскіе сошли съ коней и шли пѣшкомъ около тапканы; около моста бояре князь Семенъ и Михайло вышли изъ саней и также шли пѣшкомъ до соборнаго храма; здѣсь встрѣтилъ княжну, въ сопровожденіи духовенства, смоленскій владыка съ крестомъ и благословилъ имъ; княжна вошла въ церковь и слушала молебенъ. Послѣ молебна княжна поѣхала къ себѣ на дворъ, куда ее провожали паны; здѣсь княжна приказала князю Ряполовскому подчивать ихъ виномъ. На другой день послѣ обѣдни, на которой присутствовала и княжна, пришли къ ней въ свѣтлицу бить челомъ жена намѣстника съ падчерицею и жена маршалка Кошкина; тутъ же явился и смоленскій владыка съ поминками; ихъ посадили на лавкѣ и подавали вино: паньямъ сама княжна, а владыкѣ князь Ряполовскій. При выѣздѣ изъ Смолснска намѣстникъ проводилъ поѣздъ съ версту за городъ. Подобное же происходило при проѣздѣ во всѣхъ городахъ западной Россіи; всюду по мѣстамъ бито было изъ пушекъ, гдѣ до какого мѣста царевна пріѣзжала на обѣдъ или на ночь. Еще до Смоленска бояре начали говорить панамъ о вѣнчаньѣ, чтобъ быть ему въ греческой церкви и вѣнчать митрополиту или владыкѣ или архимандриту. Паны имъ не давали отвѣта, а говорили, что обсылались объ этомъ съ великимъ княземъ, а онъ имъ отвѣта не далъ. Наконецъ подъѣзжая къ Вильнѣ, бояре начали говорить панамъ съ бранью, почему они отвѣта не даютъ о вѣнчаньѣ, и паны, поговоривъ между собою, отпустили Яна Забережскаго къ великому князю. Янъ воротился изъ Вильны и объявилъ, что вѣнчанью быть въ римской церкви, а не въ греческой. Бояре отговаривали это сильно, но по наказу въ конецъ не упирались. Уже по дорогѣ встрѣчали княжну посланные отъ ея жениха съ подарками. Въ Марковѣ встрѣтилъ поѣздъ маршалокъ Ста-

ниславъ Стромиловъ, и вмѣстѣ съ нимъ князь Константинъ Острожскій и князья Иванъ и Василій Глинскіе. Стромиловъ говорилъ, что присланъ служить княжнѣ до Вильны и привезъ отъ великаго князя возъ (экипажъ) княжнѣ, великолѣпно убранный и въ него было запряжено восемь жеребцовъ въ богатой сбруѣ. Паны говорили, чтобы княжна продолжала путь въ возу, но она приказала боярамъ это отговорить. За три версты до Вильны выѣхалъ верхомъ на встрѣчу княжнѣ женихъ, въ сопровожденіи войска, какъ говорятъ, отъ трехъ до четырехъ тысячъ. Великій князь со свитой остановился предъ тапканой; тапкана тоже остановилась. Московская свита на коняхъ, одѣтая въ соболи и бархатъ, встала около тапканы въ видѣ полумѣсяца. Отъ мѣста, гдѣ стоялъ великій князь, до тапканы постлали алаго сукна, а у тапканы золотую камку. На камку вышла княжна, а за нею боярыни; князь же великій сошелъ съ коня и подошелъ по сукну къ княжнѣ, подалъ ей руку, спросилъ о здоровьѣ, подалъ тоже руку и боярынямъ. Въ это время раздавались крики Литовцевъ: „хвала Господу за такой великій даръ, что далъ намъ дочь монарха московскаго имѣть себѣ паньей! да здравствуетъ на многія лѣта великій князь Александръ, надъ нами пануючи!“ Потомъ раздались выстрѣлы изъ мушкетовъ, а княжна, послѣ свиданья съ женихомъ, снова вошла въ тапкану, и поѣздъ въ сопровожденіи Литовцевъ двинулся впередъ. Подъѣзжая къ городу, великій князь Александръ приказалъ княжатамъ и панятамъ сойдти съ коней и идти пѣшкомъ по правую сторону тапканы, а московскіе дѣти боярскіе пошли по лѣвую, самъ же великій князь ѣхалъ передъ тапканою. Всѣ Виленскіе жители встрѣтили поѣздъ и кидали цвѣты на дорогу; въ то же время раздавалась стрѣльба съ валу и замковъ.

Такъ ѣхалъ поѣздъ до православной церкви Рождества Богородицы, гдѣ невѣста вышла изъ тапканы. Здѣсь передъ церковью встрѣтилъ архимандритъ Макарій, намѣстникъ Кіевскаго митрополита; послѣ молебна княгиня Ряполовская и жена боярина Русалки расплетали косу не-

вѣсты, покрыли покрываломъ, надѣли на голову кику и обсыпали хмѣлемъ; сопровождавшій невѣсту попъ Ѳома *) читалъ при этомъ молитвы и благословлялъ ее крестомъ. Послѣ этого Елену Ивановну повели къ жениху въ римскую церковь Станислава; передъ нею шелъ попъ Ѳома и благословлялъ крестомъ. Передъ церковью Станислава встрѣтилъ невѣсту бискупъ съ крыжемъ, но ее не благословилъ имъ. Великая княжна встала рядомъ съ женихомъ, подъ нее постлали бархатъ, который прежде былъ постланъ передъ ташканой, да на мѣсто положили сорокъ соболей. Началось вѣнчанье. Бискупъ говорилъ молитвы жениху, а попъ Ѳома невѣстѣ, надъ которой княгиня Ряполовская держала вѣнецъ. Когда нужно было пить общую чашу, то попъ Ѳома подалъ вино невѣстѣ и потомъ скляница была растоптана. Подобное вѣнчаніе не понравилось Литовцамъ, великій князь и бискупъ побранили на крѣпко, чтобы попъ Ѳома не говорилъ молитвъ, а княгиня Ряполовская не держала вѣнца, но князь Семенъ стоялъ тутъ же и отговаривалъ эти требованія, а попъ Ѳома продолжалъ свое дѣло. Московская офиціальная записка, сказавши это, не говоритъ намъ, какое впечатлѣніе на Литовцевъ произвели слова невѣсты о греческомъ законѣ и требованіе князя Ряполовскаго, чтобы и великій князь произнесъ при вѣнчаніи слова о непринужденіи своей жены къ римскому закону.

Московская офиціальная записка кончаетъ разсказъ объ этомъ бракѣ такъ: „послѣ вѣнчанья великій князь пошелъ къ себѣ въ гридню, а великая княгиня въ иную горницу съ своими боярынями; да пришедши отъ вѣнчанья великій князь послалъ за боярами и велѣлъ имъ быть у себя съ поминками и рѣчь говорить; бояре являли поминки и въ тотъ день ѣли у великаго князя. А великая княгиня вѣнчалась въ своихъ портѣхъ, и нынѣча уже четвертый день ходитъ въ своихъ портѣхъ да и въ кикѣ, а на другой день великій князь велѣлъ явить себѣ крестъ съ

*) Въ литовской запискѣ сказано, что Елену Ивановну сопровождали два епископа.

цѣпью и порты, въ которыхъ нужно быть послѣ вѣнчанья и послѣ мыльны, а мыльны у великаго князя не было и бояре то ему изъявляли да и рѣчь говорили". Литовская же записка говоритъ, что послѣ вѣнчанья шли веселья недѣли съ три, и послѣ этого великій князь жилъ съ своею супругою въ великой любви, часто посылая поминки до царя, тестя своего, а царь до него.

Но бракъ былъ политическій и принесъ совсѣмъ не то Литовцамъ, чего ожидали въ этомъ отношеніи. Купили они себѣ горе, да на свои гроши.

Геннадій Карповъ.

Изъ Московскихъ Университетскихъ Извѣстій, 1866 г. № 8-й.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.